

L-92

12.

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.

Шкафъ XLIV.

БМ Fa

Полка 4.

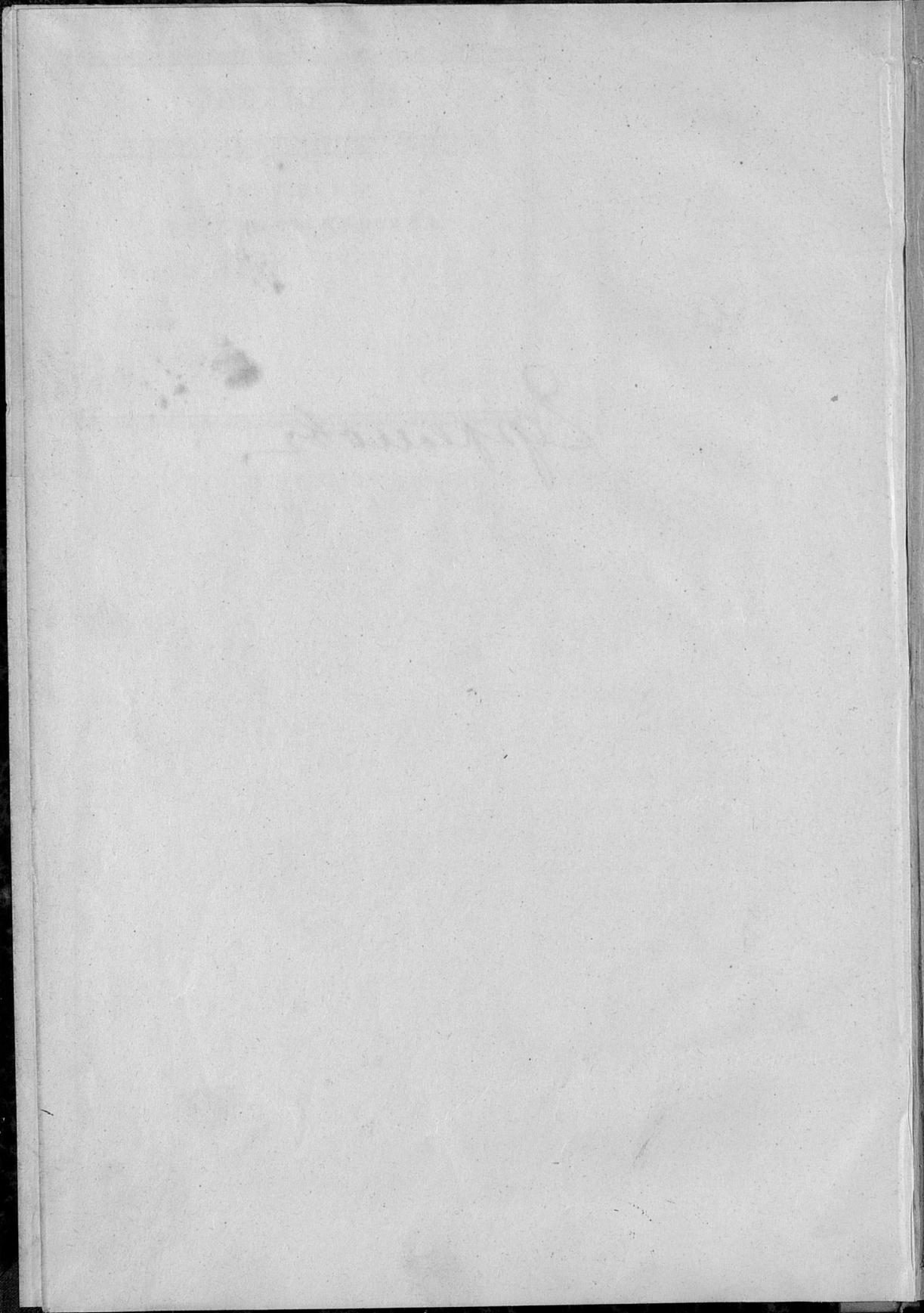
3

№ 32.

65.all.1-

+

Эрasmus

E-92 БМ Fa. 3. 65

БИБЛИОТЕКА
О-ва для достав. средств
В. Ж. КУРСАМЪ.

10
1906

Педагогическая теорія Наторпа.

(Paul Natorp—Sozialpädagogik. Theorie der Willenserziehung auf der Grundlage der Gemeinschaft).

Статья 1.

8648
Авторъ «Соціальной педагогики» П. Наторпъ ¹⁾ принадлежитъ, по своимъ философскимъ воззрѣніямъ, къ новѣйшимъ послѣдователямъ Канта. Этимъ уже сразу опредѣляются философскія, теоретическія основанія его педагогики, основанія, которыя являются миниатюрной копіей грандіозной философской системы великаго «кенигсбергскаго мудреца».

Но и среди педагоговъ теоретиковъ Наторпъ занимаетъ вполне опредѣленное мѣсто. Возставая противъ увлеченія Гербартомъ, особенно противъ подчиненія воспитанія воли воспитанію разсудка, противъ крайностей его «воспитывающаго обученія», Наторпъ является послѣдователемъ (о чемъ онъ и самъ не разъ заявляетъ) другого знаменитаго, но, по его мнѣнію, въ настоящее время слишкомъ мало цѣнимаго педагога—Песталлоцци. Въ ученіи о добродѣтеляхъ онъ до нѣкоторой степени находится подъ вліяніемъ Платона. Въ нѣкоторыхъ же своихъ положеніяхъ (главнымъ образомъ въ вопросахъ практической организаціи воспитанія) онъ примыкаетъ къ Шлейермахеру и Фихте.

Указывая на односторонность педагогики Гербарта, основывающаго все воспитаніе на образованіе «круга идей», Наторпъ,

¹⁾ Род. въ 1854 г. Профессоръ философіи въ Марбургскомъ университетѣ.

И. О. С. Ш. Т.
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

вмѣстѣ съ Песталоцци, требуетъ равномѣрнаго воспитанія всѣхъ сторонъ человѣческой психики—разума, воли и чувства. Но, основываясь на философіи Канта, подраздѣляя познаніе на теоретическое и практическое, и ставя послѣднее выше перваго—Наторпъ требуетъ прежде всего воспитанія воли. И этому главнымъ образомъ и посвящена его «Соціальная педагогика».

Само слово воспитаніе (Erziehung), говоритъ Наторпъ, употребляется собственно для обозначенія «воспитанія воли». Правда, употребляютъ его и въ широкомъ смыслѣ, говоря объ умственномъ, эстетическомъ, религіозномъ воспитаніи но, при этомъ обыкновенно имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, ту зависимость отъ воспитанія воли, въ которой находятся умственное, эстетическое и религіозное образованіе. Въ противномъ же случаѣ говорятъ просто: обученіе, образованіе.

Слово «воспитаніе» имѣетъ свое особое значеніе. Оно указываетъ (чего не дѣлаетъ слово «образованіе»), что воспитаніе человѣка, являясь, до известной степени, дѣломъ естественнаго развитія, требуетъ, въ то же время, планомѣрнаго усилія, направленнаго на поощреніе или, по крайней мѣрѣ, охраненіе этого развитія.

Разъ требуется известное усиліе, то очевидно воспитаніе есть дѣло воли. А само собой разумѣется, что воля и направляетъ свое усиліе, прежде всего, именно на самое себя.

Это основное понятіе педагогики, понятіе воспитанія заключается въ себѣ и особую проблему философскаго характера: *проблему долженствованія, цѣли или, вѣрнѣе сказать, идеи*¹⁾. Этотъ моментъ цѣли лежитъ въ самой основѣ воспитанія какъ планомѣрнаго воздѣйствія воли.

Уже въ самомъ понятіи воли заключается эта постановка цѣли (Zwecksetzung). *Воля*, въ концѣ концовъ, есть не что иное какъ *постановка цѣли, выставленіе идеи, т.-е. должнаго*.

Но какъ обосновать это должное. Откуда мы черпаемъ наше познаніе не о томъ, что есть, но что должно? Обычный путь познанія, опытъ, повидимому, не даетъ на послѣдній вопросъ

¹⁾ Здѣсь рѣчь идетъ не объ идеяхъ въ современномъ психологическомъ смыслѣ—представленіяхъ, но скорѣе въ платоновскомъ смыслѣ—идеала.

никакого отвѣта. Опытъ простирается на всю природу, но не дальше нея. Природа же ничего не знаетъ о цѣляхъ, объ идеалѣ, въ ней нѣтъ ничего должнаго, она говоритъ только о существующемъ. Только человѣкъ ставить себѣ цѣли, напр., въ качествѣ воспитателя. Онъ выставляетъ идею того, что должно быть, хотя этого не было, нѣтъ и можетъ быть никогда не будетъ.

Что же такое это долженствованіе, эта идея?

Безъ отвѣта на этотъ вопросъ,—говорить Наторпъ,—не можетъ быть и рѣчи о теоріи воспитанія воли, такъ какъ вопросъ этотъ въ концѣ концовъ означаетъ: что такое воля.

Вслѣдствіе такого категорическаго заявленія самого автора мы считаемъ необходимымъ, хотя бы только, въ главныхъ чертахъ, познакомиться съ теоретическими основами его педагогической системы.

1. Теоретическія основанія.

1. *Понятіе идеи и должнаго. Познаніе теоретическое и практическое. Область разсудка и воли.*

Прежде всего *цѣль*—понятіе не натуралистическое (Kein Naturbegriff). Если нерѣдко и проводятъ аналогію между духовнымъ и матеріальнымъ развитіемъ—то это ничего не значущее сравненіе. Для всякаго организма (въ противоположность духовному элементу) существуетъ максимумъ его развитія. *Es ist dafür gesorgt dass die Bäume nicht in den Himmel wachsen.* Но разъ существуетъ максимумъ, то не можетъ быть и цѣли. Этотъ максимумъ достигается при соблюденіи тѣхъ-то и тѣхъ-то условій. Мы здѣсь имѣемъ только причины развитія: такіе-то и такіе-то результаты получаются при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ. Птица имѣетъ крылья не потому, что она *должна* летать: она имѣетъ крылья и потому летаетъ. Телеологическій элементъ въ природѣ отсутствуетъ. Но тогда какъ же вообще возможно телеологическое разсмотрѣніе природы, откуда онъ въ ней, разъ природа не знаетъ цѣлей. Очевидно, онъ вносится извнѣ, отъ насъ. Онъ является субъективнымъ придаткомъ. Такимъ образомъ, совершенно вѣрны слова Спинозы, что природа не имѣетъ цѣлей, только мы ихъ приписываемъ ей, потому что

мы сами себѣ ставимъ цѣли и склонны представлять себѣ природу по аналогіи съ собой.

Но Спиноза считаетъ и человѣка такой же частью природы, какъ и все остальное. Откуда же у насъ цѣли? Очевидно, здѣсь нельзя согласиться со Спинозой и слѣдуетъ искать рѣшеніе въ томъ, что отличаетъ человѣка отъ природы, именно въ томъ, что *человѣкъ обладаетъ самосознаніемъ*.

Итакъ, слѣдуетъ искать обоснованіе идеи въ самосознаніи. Мы различаемъ, во-первыхъ, то, что кѣмъ-либо сознается (явленіе), во-вторыхъ, сознание само по себѣ.

Что касается вопроса—сознанія самого по себѣ, то оно, оставаясь всегда безразлично одинаковымъ и безъ всякаго особаго содержанія,—очевидно не можетъ быть предметомъ нашего познанія.

Объектомъ нашего познанія являются прежде всего явленія. Подъ сознаніемъ мы разумѣемъ подведеніе явленій подъ законы, а именно распредѣленіе ихъ во времени, слѣдовательно, сообразно закону причинности. Этимъ опредѣляется область познанія природы. Въ ней, какъ мы знаемъ, нечего искать «идеи». Можетъ быть однако сознаніе явленій, само по себѣ, можетъ быть объектомъ особаго познанія? Но сознаніе не имѣетъ никакого особаго содержанія, отличнаго отъ того, что мы называемъ природой. Явленія суть для насъ только тогда явленія, когда они нами сознаются, какъ таковыя. Такимъ образомъ, *сознаніе является внутренней субъективной стороной того, чего объективную внешнюю сторону представляютъ явленія*. Миръ психическій и физическій составляютъ двѣ различныя стороны одного и того же объекта нашего познанія.

Такимъ образомъ, психологія изслѣдуетъ тѣ-же явленія міра физическаго, но только съ другой, внутренней стороны, какъ они являются нашему сознанію.

Слѣдовательно, и психологія, какъ и естествознаніе, имѣетъ дѣло только съ явленіями, явленіями во времени. Последнія, какъ таковыя, подлежатъ закону причинности и не знаютъ цѣлей.

Но, въ противоположность этому естественно-научному способу познанія, возможенъ еще другой способъ, когда сознаніе направлено исключительно на *единство познанія и его условія*. Это—

логическое познание. На формальных законах логического познания основывается распределение явлений во времени, т.-е. закон причинности. Логические законы не суть законы во времени, они вне его, следовательно они ни психологические, ни биологические законы. Но они и не нормативные—вопрос о должном не имеет здесь никакого значения. $A = A$ и $2 + 2 \times 4$ имеют значение вне всякого времени и вне вопроса о должном. Содержание логических законов составляют общие отношения всякого мысленного содержания. Центром мыслящего сознания является единство мыслимого, когда разнообразное во времени объединяется в этом единстве, когда мысль уже не разбивается в разнообразии явлений во времени, но заключается и охватывается сама в себя.

Это единство сознания есть истинный источник (Ausgang) познания. Но размышление (Besinnung), ведущее к этому единству, происходит, конечно, из исследования разнообразного, из опыта. Таким образом, опыт есть начало, но не первоисточник (Ursprung) нашего познания.

Это единство и представляется идеей, которая есть не что иное как «последнее единство, фокус (Blickpunkt) познания». Когда эта идея выставляется целью, она получает значение *должного*. Но это значение она получает только при сопоставлении с действительностью опыта. В первоначаль же идея не цель, но исходный пункт, начало, *принцип*. Она обуславливает лишь должное в практическом познании. Но содержание идеи и должного одно и то же: именно абсолютное единство. Развитие этой идеи по двум направлениям, практическому и теоретическому, определяет границы двух миров, познания теоретического и практического, мира интеллекта и мира воли. Область теоретического познания—употребляя психологическое выражение—разсудка, есть область естествознания, область опыта, ограничиваемая законами явлений во времени. В основе всех явлений лежит небольшое количество основных законов, исследование которых составляет задачу логики. Каждая опытная наука подчинена этим законам. Отсюда понятно значение познания основных законов для воспитания интеллекта.

Это воззрение, что весь мир разсудка должен быть по-

строены во всем своем единствѣ изъ небольшого числа основныхъ элементовъ, которые суть именно элементы разсудочной способности, заключается уже у Писталлоцци въ его идеѣ элементарнаго образованія.

Песталлоцци совершенно въ духѣ «критической философіи» говорить: «каждая линія, каждая мѣра, каждое слово... есть результатъ разсудка (Resultat des Verstandes)... и всякое обученіе въ самомъ существѣ своемъ есть именно это», именно «прогрессивное проясненіе этихъ нашихъ понятій». Добытые путемъ отвлеченія изъ «первоформы (Urform) развитія человѣческаго духа, основные элементы азбуки (ABC), должны лечь въ основаніе не только созерцанія (Anschauung), но и всякаго точнаго познанія. Напротивъ, познаніе фактовъ—число эмпирическое, оно составляетъ лишь придатокъ, годный только для извѣстной данной ступени познанія, состоящаго въ безконечной послѣдовательности подобныхъ ступеней.

Далѣе, для уясненія отношенія воспитанія интеллектуальнаго къ воспитанію воли, Наторпъ считаетъ необходимымъ выяснитъ отношеніе *теоретическаго и практическаго познанія къ идеѣ, къ безусловному.*

Опытное познаніе, по своей природѣ, не даетъ возможности заключать къ безусловному.

Идея безусловнаго имѣетъ значеніе и для практическаго разума, но значеніе чисто отрицательное: она указываетъ ему границы, указываетъ на его обусловленный характеръ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣемъ и идею безусловнаго, и она въ концѣ концовъ первичнѣе (ursprünglicher) всякаго опыта. Опытъ есть лишь одинъ изъ способовъ познанія; онъ является подчиненнымъ послѣднему и высшему способу познанія, познанія безусловнаго. Итакъ, мы приходимъ къ тому виду познанія, гдѣ эта *идея безусловнаго* имѣетъ не только отрицательное значеніе ограниченія, но гдѣ она *является центромъ*, изъ котораго данныя опыта усматриваются въ новомъ освѣщеніи и получаютъ новое значеніе, именно вслѣдствіе своего положительнаго отношенія къ идеѣ безусловнаго. И это,—говоритъ Наторпъ—и есть *первоначало (Ursprung) должнаго* въ практическомъ смыслѣ.

Основной законъ сознанія безусловно требуетъ единства раз-

нообразнаго или закономѣрности (*Gentzlichkeit*). Въ этомъ требованіи она сама уже безусловно полагается, не какъ существующее въ эмпирическомъ смыслѣ, но какъ долженствующее. Послѣднее и составляетъ объектъ практическаго познанія, область воли.

Долженствованіе не можетъ быть получено изъ совокупности понятій природы. Единство эмпирическаго познанія незакончено. Своей конечной причиной оно имѣетъ единство нашего сознанія. Разъ эмпирическіе законы не безусловны, то невозможно и обосновывать безусловные законы воли на обусловленныхъ законахъ природы. Такимъ образомъ, нельзя основывать, наприм., волю на чувствѣ удовольствія или неудовольствія.

Проблема долженствованія можетъ быть формулирована, по словамъ Наторпа, слѣдующимъ образомъ: какой *видъ законотѣрности*, основанной на содержаніи мыслимаго, какой *методъ мышленія*, о которомъ дается отчетъ въ самомъ мышленіи, опредѣляетъ мою мысль, что то-то и что-то должно быть? И тутъ же Наторпъ даетъ отвѣтъ: эту мысль единственно опредѣляетъ формальный законъ необходимаго согласія между собой, представляющихся нашему соображенію мыслей, послѣднимъ опредѣляющимъ основаніемъ каждой постановки цѣли, конечной цѣлью, въ соображеніи съ которой опредѣляется каждая отдѣльная цѣль,—является не что иное, какъ логически подчиняющееся, а потому предшествующее каждому отдѣльному рѣшенію воли единство, въ которомъ объединяются отдѣльныя постановки цѣли.

Это единство является конечной цѣлью, т.-е. послѣднимъ конечнымъ пунктомъ, который имѣетъ въ виду каждое цѣлевое соображеніе. Соответственно этому послѣднему взгляду (*Ausblick*) этому послѣднему намѣренію, опредѣляется и каждая ближайшая цѣль. Между тѣмъ какъ это послѣднее «намѣреніе» (*Absicht*) остается само по себѣ недостижимымъ и недостижимымъ и тѣмъ вѣрнѣе представляетъ всегда недвижимую цѣль (*Richtpunkt*) для всѣхъ и всякихъ цѣлевыхъ соображеній, высшимъ принципомъ.

Такимъ образомъ, постановка цѣли является *особымъ самостоятельно обоснованнымъ методомъ мышленія*.

Но между познаніемъ практическимъ (постановка цѣли) и теоретическимъ (опытъ) существуетъ и положительная связь. То, что должно, не есть, но должно быть, должно дѣйствительно быть.

Закономѣрность, на основаніи которой что-либо дѣйствительно бываетъ, есть причинная закономѣрность природы. Слѣдовательно, *должное* по скольку оно осуществляется въ конкретныхъ фактахъ дѣйствительности даже въ качествѣ просто должнаго, должна оставаться въ соотвѣтствіи съ *причинными законами явленій*. И это соотвѣтствіе возможно потому, что опытная закономѣрность сама въ концѣ концовъ является подчиненной первичному закону единства сознанія. Изъ этого понятно, что постановка цѣли, по своимъ формальнымъ основаніямъ, независима отъ опыта, но въ своемъ содержаніи опредѣляется опытомъ ¹⁾.

2. Волевая дѣятельность. Влеченіе, воля, разумная воля.

Мы пришли, такимъ образомъ, къ выводу, что при построеніи мира воли, необходимо имѣть въ виду, во-первыхъ, его форму, и, во-вторыхъ, его конкретное содержаніе. Что касается формы, то она основывается на безусловныхъ законахъ сознанія. Содержаніе же доставляется опытомъ. *Какъ же опытъ доставляетъ его, какъ содержаніе подчиняется формѣ?*

Уже въ самомъ опытѣ заключается нѣкоторый моментъ, который дѣлаетъ это содержаніе пригоднымъ для области воли. Подъ опытомъ мы разумѣемъ *процессъ*. Ни на одной своей ступени онъ не является законченнымъ, но всегда въ бываніи (*ein Werden*). Поэтому, на каждой ступени опыта должно быть извѣстное отношеніе между тѣмъ, что уже находится въ вѣрномъ обладаніи сознанія, т.-е. въ опытѣ, и тѣмъ, что еще существуетъ лишь въ понятіи, какъ должное быть введеннымъ въ опытъ, но что еще находится внѣ его, а слѣдовательно внѣ всякаго объективнаго (*gegenständliche*) сознанія. Какъ это ни странно, но въ каждый моментъ опыта существуетъ нѣкоторый видъ (*eine Art*) сознанія еще не сознаннаго въ эмпирическомъ смы-

¹⁾ Осуществленіе должнаго есть дѣло *техники*, т. е. подчиненія природы своимъ цѣлямъ при помощи средствъ теоретическаго познанія, сообразно законамъ причинности.

слѣ¹⁾ (неопознанное сознание). Мы можемъ это обозначить: направлениемъ, стремлениемъ, *склонностью* (Tendenz) или какъ-нибудь иначе. Яснѣ всего она проявляется въ обычномъ «влеченіи» къ чувственнымъ наслажденіямъ или двигательной дѣятельности и такимъ образомъ уже представляетъ общее значеніе для всей сознательной жизни. Но она проникаетъ и всю область представлений. И въ этомъ, сопровождающемъ всѣ процессы представленія, моментѣ склонности (Tendenz) Наторпъ видитъ причину того, что уже простое представленіе мы сознаемъ какъ дѣятельность, а не какъ что-то извнѣ къ намъ привходящее. Эта склонность проявляется и въ воспріятіи, какъ направленіе интереса, какъ фиксація духовнаго взора на наблюдаемомъ, приковывающемъ вниманіе объектѣ, и въ возстановленіи исчезнушаго въ памяти, и въ часто чувствуемыхъ усиленныхъ поискахъ фантазіи. Вполнѣ же она проявляется въ высшей формѣ сознанія: въ сосредоточеніи мысли на опредѣленномъ содержаніи при одновременномъ, *направленномъ на полноту обзрѣнія возможныхъ случаевъ*; въ возможности мыслить даже безконечное. Она проявляется при всѣхъ умственныхъ процессахъ, начиная съ простаго представленія и кончая сужденіями и сложнымъ познаніемъ.

Въ основаніи этой склонности, говоритъ Наторпъ, лежитъ именно свойственное практическому сознанію направленіе къ послѣдней, находящейся въ безконечномъ, цѣли, центру объединенія всего многообразнаго въ опытѣ, къ безусловному.

Такимъ образомъ, эта склонность (Tendenz) имѣетъ мѣсто всегда и во всякомъ построеніи опыта. О содержаніи этой склонности едва-ли можно говорить, такъ какъ она заключаетъ лишь отношеніе дѣйствительнаго къ недѣйствительному (Wirklichen zum Nichtwirklichen). Во всякомъ случаѣ, какъ эмпирическое предполагаетъ уже въ сознаніи первичное (ursprüngliche), такъ и эмпирическое склонности предполагаетъ первичное направленіе сознанія къ безусловному единству и согласію. Но склон-

¹⁾ Здѣсь авторъ имѣетъ въ виду смутно сознаваемые психическіе процессы въ противоположность душевнымъ состояніямъ я, на которыя направленъ фокусъ вниманія.

ность эта не всегда непосредственно сознается нами. И вотъ, по степени, въ которой она нами сознается, Наторпъ раздѣляетъ всю нашу дѣятельность на три ступени: 1) влеченіе, 2) волю и 3) разумную волю.

Влеченіе (Trieb) означаетъ наличность вообще склонности, т.-е. направленіе дѣятельности на какую-либо цѣль, но безъ сознанія строго удерживаемаго, исключающаго всякое отклоненіе единства. Влеченіе всегда направлено на достиженіе ближайшей данной цѣли, на данный объектъ нашего опыта. При влеченіи мы не свободны, мы какъ бы связаны, прикованы къ объекту нашего стремленія. Особенно ясно это влеченіе проявляется во всякой работѣ, когда мы «предаемся» ей «всей душой». Назвать «волей» это влеченіе собственно еще нельзя, такъ какъ воля предполагаетъ свободу выбора.

Это возможно лишь на второй ступени — *ступени воли въ тѣсномъ смыслѣ* (Wille im engeren Sinn).

Эта способность выбора и отличаетъ ее отъ «влеченія». Но при этомъ выборѣ мы руководимся практическимъ принципомъ, эмпирическою цѣлью, но еще нѣтъ сообразованія отдѣльнаго эмпирическаго хотѣнія съ цѣлью безусловно должнаго. Воля хотя и повинуется «максимѣ» ¹⁾ но эта максима еще не всегда пригодна быть «всеобщимъ закономъ» ²⁾.

Лишь на третьей ступени *разумной воли* (Vernunftwille) возможно полное сознаніе безусловной цѣли. Сознаніе хотящаго уже не прикрѣплено къ объекту, но возвышается надъ нимъ до высшей точки зрѣнія безусловно—закономѣрнаго.

Переходъ отъ одной ступени къ другой обусловливается, такимъ образомъ, степенью *сосредоточенности* сознанія.

Этимъ тремъ ступенямъ волевой дѣятельности вполне соответствуютъ три ступени эмпирическаго представленія: 1) *просто представленіе*, которое хотя и имѣетъ свой объектъ, но не включаетъ еще сознанія объективнаго значенія. 2) Сознательно объективированное представленіе, но безъ кореннаго обоснованія

¹⁾ Т.-е. правилу.

²⁾ Здѣсь намекъ на Кантовскую формулу нравственнаго закона: поступай по такимъ максимамъ, о которыхъ ты можешь хотѣть, чтобы онѣ стали всеобщимъ закономъ природы (категорическій императивъ).

его среди основных законовъ познанія и 3) *принципіально и методически обоснованное*, слѣдовательно, научное представленіе, эмпирическое объективное познаніе.

И здѣсь переходъ отъ одной ступени къ другой опредѣляется степенью *сосредоточенности* сознанія. И та, и другая область имѣютъ одно основаніе въ единствѣ человѣческой природы. Силы природы, господство надъ ними при помощи техники и подчиненія ихъ высшимъ человѣческимъ цѣлямъ, самимъ людямъ или воспитанію ихъ—образуетъ одну непрерывную цѣпь.

3. Соціальная педагогика.

Итакъ для развитія обоихъ міровъ, міра воли и міра разсудка, необходимо развитіе самосознанія. Но самосознаніе развивается только путемъ взаимодѣйствія одного сознанія на другое.

Человѣкъ становится человѣкомъ только черезъ человѣческое общество. Этого никогда не должны забывать ни соціологія, ни этика, ни педагогика! Возвышеніе до общества означаетъ не ограниченіе, но расширеніе личности. Истинный индивидуализмъ не исключаетъ общества, но приводитъ къ нему, и тѣмъ самымъ не допускаетъ солипсизма ¹⁾ Последнимъ основаніемъ и здѣсь является законъ единства и непрерывности (Kontinuität) который сохраняется, какъ во всѣхъ областяхъ, такъ и здѣсь во взаимной встрѣчѣ различныхъ духовныхъ индивидуальностей. Воспитывающій элементъ общенія проявляется въ отношеніяхъ учащихся и учащихся, въ мірѣ воспріятій ребенка, въ общемъ достояніи прошлаго, въ языкѣ, въ духѣ науки, въ нравственности и въ искусствѣ, но сильнѣе всего въ области воли. Именно *сознательное хотѣніе раз-*

¹⁾ *Солипсизмъ* (отъ solus ipse sum:—одинъ я существую) есть такой философской взглядъ, согласно которому нельзя на научныхъ основаніяхъ доказать мнѣ, что меня окружаютъ духовныя существа. Для солипсизста заключеніе по аналогіи отъ сходства моихъ дѣйствій (мимика, рѣчь, etc) съ подобными дѣйствіями другихъ людей еще нельзя съ достовѣрностью заключать къ сходству моихъ психическихъ проявленій съ проявленіями другихъ людей и даже нельзя вообще доказать, они что одушевлены. Въ настоящее время этого взгляда придерживаются въ Германіи Шубертъ-Зольдернъ, у насъ проф. Александръ Введенскій.

живается только въ обществѣ. По другимъ я научаюсь познавать самого себя. Отсюда понятно то могучее воздѣйствіе, которое оказываетъ на воспитаніе воли семья и все общество, кончая государствомъ и даже всѣмъ человѣчествомъ. Такимъ образомъ индивидуальная и социальная педагогика нераздѣльны, такъ какъ обусловлены одна другой. Вѣдь «общество представляетъ союзъ индивидовъ, а этотъ союзъ существуетъ лишь въ сознаніи его отдѣльныхъ членовъ».

4. Система индивидуальныхъ и социальныхъ добродѣтелей.

Таковы теоретическія основанія «соціальной педагогики» Наторпа. На этихъ основаніяхъ онъ воздвигаетъ стройную систему индивидуальной и социальной этики. Хотя нравственный законъ и обладаетъ всеобщимъ значеніемъ, однако хотѣніе (Wollen) само по себѣ индивидуально. Поэтому, авторъ начинаетъ съ индивидуальныхъ добродѣтелей.

Сообразно тремъ ступенямъ дѣятельности: влеченію, волѣ и разуму (разумной волѣ), онъ различаетъ три главныхъ добродѣтели: *умѣренность* (rechte Maas), *мужество* (sittliche Thatkraft) и *стремленіе къ истинѣ* (Wahrheit). Всѣ онѣ находятся во взаимной связи и обуславливаютъ другъ друга. Наконецъ, есть еще четвертая добродѣтель, объединяющая первые три — *справедливость*¹⁾. Она является индивидуальнымъ основаніемъ социальной добродѣтели, слѣдовательно, служитъ какъ бы переходомъ къ послѣдней. Справедливость требуетъ правдивости, мужества и умѣренности въ трудѣ и наслажденіи, въ отношеніи и въ интересѣ къ обществу. Ея конечное основаніе лежитъ въ уваженіи «человѣчности» въ каждомъ «лицѣ».

Таковы индивидуальные добродѣтели.

Съ другой стороны, мы имѣемъ социальную жизнь, жизнь въ обществѣ. Жить это значить быть дѣятельнымъ, проявлять свою дѣятельность. Въ основаніи «влеченія» лежитъ трудъ, работа, которая волей подчиняется единому направленію, регулируется, чтобы затѣмъ быть подверженной критикѣ разума относительно

¹⁾ Эта классификація добродѣтелей въ основныхъ чертахъ заимствована Наторпомъ у Платона, на что онъ самъ указываетъ.

этого направленія. Если мы это перенесемъ съ индивидуальной жизни на социальную, то послѣдняя будетъ обозначать: трудовое общество подъ общественнымъ волевымъ регулированіемъ, которое подлежить въ свою очередь критикѣ общества.

Хотя трудъ, волевое регулированіе и разумная критика представляютъ одно нераздѣльное цѣлое, однако мы можемъ, сообразно этимъ тремъ элементамъ социальной жизни, раздѣлить и всю социальную дѣятельность на три класса: экономическую, регулятивную (политическую) и воспитательную.

Первые два должны подчиняться послѣдней, высшей цѣли—воспитаніе человѣчества. Этотъ идеаль въ свою очередь дѣйствуетъ и на экономическій трудъ и на политическую дѣятельность, онъ стремится облагородить ихъ, сдѣлавши ихъ болѣе нравственными ради воспитанія человѣчества.

Нравственный порядокъ общественной жизни и есть вѣчная задача, социальна-педагогическій идеаль.

Индивидуальныя добродѣтели простираются и на общественную жизнь, но здѣсь онѣ пріобрѣтаютъ другое значеніе. Правдивость здѣсь означаетъ господство надъ сознаниемъ или просто разумъ. Человѣческій разумъ долженъ господствовать надъ экономическимъ производствомъ и правопорядкомъ.

Мужество здѣсь означаетъ участіе воли въ организованномъ обществѣ, единственной формой котораго является право, слѣдовательно, участіе въ правосозданіи.

Умѣренность здѣсь понимается какъ гармоничное развитіе всѣхъ способностей, какъ равномерная и общественная организациа труда.

Наконецъ, справедливость, какъ социальная добродѣтель, означаетъ примѣнимость первыхъ трехъ для всѣхъ членовъ человѣческаго общества, каждый человѣкъ долженъ принимать участіе въ воспитаніи, управленіи и въ трудѣ.

Вотъ основныя, изложенныя въ самыхъ краткихъ чертахъ, теоретическія положенія Наторпа, на основаніи которыхъ онъ и строить свою стройную систему практической организациа воспитанія.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

